

Кирилл Леонидов

г. Новокузнецк

Пчела

(С сокращениями)

Супружеская пара Володя и Маша Кретовы выбралась из отеля на море не так чтобы рано. Нерасторопная мужская половина пары вставала с постели медленно, слишком много времени проводила в ванной, ещё дольше облачалась в одежду, как будто такая медлительность явки к завтраку имела ритуальное значение: все ждали именно её, этой самой половины, торжественного выхода. Кретова не волновало потерянное время, не подгонял традиционный утренний мужской голод, которого почему-то не было, а уж тем более на него не влияли упрёки и возмущение жены.

Сам завтрак по содержанию также не произвёл на Владимира никакого впечатления: его глаза смотрели куда-то мимо бекона, который был, кстати, сегодня очень даже «ничегошний» (словечко Машино, применяется при определении качества еды, товаров и услуг – это средняя и чуть выше средней оценка, а ещё есть «суперический» – высшая, «дешманский» – хуже некуда). Маша объяснила себе такое состояние мужа его хронической усталостью,

связанной с перегруженностью на работе. Владимир Кретов работал начальником юридического отдела банка, в последнее же время в связи с нарастающими экономическими проблемами хлеб работников банка перестал быть «с маслом», он даже не был уже белым. Впрочем, как и во многих других сферах, где давно не ждали хороших времён. Работы действительно прибавилось. Неизвестно откуда навалилось дурачьё. Его и раньше было немало, но теперь в пору было говорить об эпидемии. Дураки помельче, реагируя на призывы своих более маститых московских братьев, стали исторически плодить разного рода бессмысленные дублирующие или противоречащие друг другу инструкции, которые сначала запутали умных, потом тех, кто ещё мог как-то «здро́во размышлять», и, наконец, самих дураков... Дураки удивились такому результату, они всегда считали, что приносят банку и Родине благо, затем вообще впали в ступор, а в последнее время отчаянно приступили к поиску выхода из тупика, который, конечно же, заключался в поиске виноватых из числа здравомыслящих. Работа превратилась не в профессиональное творчество, а в борьбу за существование, пробивание себе дороги в джунглях с помощью мачете, при этом «джунгли» постепенно всё-таки побеждали, становясь всё гуще, крепче в стебле и корне, темнее и опаснее.

– Ешь лучше, с этой недели будем целый день загорать, все недорогие кафешки – на второй линии, далеко с пляжа идти. Если бы в прежнее время, взяли бы «всё включено», а теперь...

– Да зачем целый день-то загорать?

– Надо, Вова, надо. Что мы предьявим миру? Ты же знаешь, среди несчастных мы как делегаты на поездку к счастью – отдыхаем за себя и за них. Документ, подтверждающий пребывание у источника этого самого счастья, – наш загар. Его мы и обязаны предьявить. И только потом – сувениры, чудо-мази, маечки и кружки.

Выговорив это быстро, Маша приступила к поеданию горы экзотических фруктов на огромной тарелке, затем снова затараторила:

– Ещё нам надо выяснить, где тут более-менее дешёвые гестхаусы, – Верка поручила нам узнать на месте, и можно ли с маленькой собачкой. Ты помнишь, она через месяц хочет поехать, если курс доллара не вырастет ещё...

...Голос жены стал затихать, растворяться среди ресторанного гула. Кретов ел молча и думал: что же с ним происходит? Он так хотел восстановиться, вновь увидеть морскую бирюзу, вобрать всеми фибрами души это гигантское пространство, неповторимый аромат свежести, но вдруг навалилось какое-то раздражение, ощущение психологического тупика и потери того самого рая, который они вместе с Машей искали каждый год хотя бы на четырнадцать дней. На пляже Маша, как всегда, восторгалась морем, всякий раз наблюдая что-то особенное, тем более что море преподносило и преподносило сюрпризы. Главный его закон – никогда не повторяться. То оно бирюзовое, то оно многоцветное – бирюза ближе к берегу, потом синева, а дальше какое-то лиловое, то вообще дробится цветами как лоскутное одеяло, где можно при желании увидеть все цвета; ещё оно пахнет арбузом, водорослями, йодом... Море движется фронтальной волной, ершится от ветра, ходит ходуном туда-сюда, как в гигантской ванной, мелко взбрыкивает «бурунчиками», которые непредсказуемо бросаются в лицо; иногда оно стеклянно-неподвижно, медленно, грациозно шевелится единым живым существом, бурлит и даже шипит возмущённо и ворчливо; и, наконец, ужасно: свинцово-серо, беснуется, огромно и беспощадно, как вселенский «чужой». И это только малая часть из того, каким оно может быть...

Каждый день, посещая море с утра, обнаруживаешь, как меняются и его жильцы: сегодня кусающиеся полупрозрачные продолговатые, с ноготок сальпы, завтра медузы, крупные и мелкие, иногда какие-то горящие синим светом существа, крабы, рыбёхи, стайками и поодиночке гоняющиеся одна за другой, всякие разные, чудные. Море живёт и дышит, и счастливы, кто это дыхание способен уловить. Это избранные,

их не так уж много на земле, гораздо меньше тех, кто моря боится и сторонится. Да и ладно, любящим его больше достанется.

Маша вернулась из воды в возбуждённом состоянии:

– Представляешь, краб с серой такой рыбкой под расцветку песка и с полосками дрались сейчас за добычу!

– За какую ещё добычу? – вяло отозвался Кретов, неподвижно лёжа на боку под зонтом. Его голос звучал тихо, едва-едва долетал до жены.

– Конечно же за добычу, за еду, из-за чего ещё они могли воевать? Слушай-ка, хватит лежать, нам к трём часам надо выдвигаться в Старый город.

Кретов бурчит в ответ, но жена умудряется его услышать:

– Нет, утром в восемь часов там ещё никого нет, магазины не будут работать, надо ехать сейчас, слышишь?

Кретов продолжает лежать неподвижно, как скат на отмели, но Маша расшифровывает его слабые сигналы-возражения и на этот раз:

– Нет, давай вставай, пошли! Что покупать только вот будем? Слонов этих, пыль с них потом вытирать? Майки купить всем – не заморачиваться, да и пойдёт, а?

Сейчас голос Владимира прозвучал негромко, но членораздельно:

– Купи мне бумеранг.

– Ты что, с ума сошёл, где я тебе его найду?

– Отсюда до Австралии не так уж далеко...

Обидевшись на хамскую реплику, Маша покинула одиноко лежащего мужа – пошла к морю. Кретов остался так же недвижим на боку под зонтом, в это самое море не глядя.

Только погрузившись в тёплую, ласковую купель, Маша успокоилась и начала размышлять о причинах мрачного состояния мужа: «Ясно, откуда такое настроение. Это Светка из отдела ипотеки. Мне ведь давно сигнализировали девчонки, а я не верила, всё думала: (что ты!) да мой Вовочка, он же меня так любит, он же во мне души

не чаёт! Нет, надо всегда помнить про брачный стаж, когда всё время вместе, когда рот откроет один, а другой уже знает, что будет сказано. Вот тут-то и возникают новые фигуранты, вернее, фигурантки. Вечно смотрит на него такими глазами. Ясно же, что если баба молодая и красивая, как эта, например, да ещё намекает, кто тут устоит? Одни эти эсэмэски чего стоят: “Вы в отпуске и отдел опустел”... Ну надо же!»

Утром Владимир проснулся рано даже по местным меркам, на улице ещё было практически темно, самозабвенно орали цикады, отель замер в крепком волшебном семейно-туристическом сне, украшенный желтоватыми фонарями. Кретов осторожно вышел на балкон, обнаружив безоблачное небо и видимый отсюда кусок спокойного, полусонного моря. Мысленно попытался наладить внутренний диалог с самим собой примерно такого плана:

– Что происходит, Владимир Геннадьевич? Вы потеряли работу, родителей, заболели тяжёлой болезнью, вас предала супруга, дети, лучший друг, пнуло сапожищем Отечество? Чего вам на этом пиршестве жизни не хватает?

– Да не могу объяснить толком. Правда, не могу. Опустошение какое-то... Кругом – грязь, не в смысле грязь на улице, ну, ты понимаешь, ты же умный, как о себе думаешь. В общем, нет доверия, нет правды, нет человеческой любви. Врёт кругом большинство и лизоблюдует. Понятно?

– Понятно. А Маша? У тебя есть то, чего нет у многих. Она всегда в тебя верила, а как боролась за твоё выздоровление, бегала по врачам, когда ты заболел!

– Всё так, всё так, но отношения двух близких людей не могут ведь строиться исключительно на благодарной памяти о прошлом. Нужны другие доказательства, нужен ресурс для будущего – дополнительное топливо для космического корабля в новые миры.

– Что ж, ладно, возьми паузу, советую просто освежиться в море. Водичка сейчас – фантастика! А какое небо, Вова, какое небо!

Кретов попытался уговорить подняться жену, но та не смогла, тут уж она была тормосом для прогрессивного человечества, как сам он днём раньше.

– Иди, благословляю тебя на переосмысление своего поведения. Может, утреннее море вразумит... – изрекла она с трудом и снова закрыла глаза.

Когда Кретов, осторожно, боясь резко нарушить гармонию тишины, поплыл, расплёскивая прохладную, нежную гладь, небо по всей линии горизонта было чуть окрашено оранжевым отсветом. Стало жутковато от тишины и огромного небесного моря или морского неба, составляющего сейчас единое пространство – один большой Космос.

Береговая линия исчезла, Владимир перевернулся на спину и сделал своё любимое упражнение, он стал смотреть вверх и дальше назад, к горизонту, изменив таким образом привычный в этом положении угол зрения: небо раскинулось перед ним как перевернутый океан, а сам он больше не плыл, он медленно парил, обозревая появившиеся редкие облака-острова, пространство несло его в себе как ребёнка, несло бережно и легко. Это упражнение может проделать каждый, ему гарантирован потрясающий эффект, дающий особое восприятие, казалось бы, обычной картины – глубину неба и его величие, ощущение единства с ним.

В какой-то момент он вернулся в прежнее положение пловца брассом и увидел, что прямо на него, выпрыгивая из воды до полуметра вверх фактически по воздуху, несётся огромный косяк мелкой, меньше фаланги мизинца, белой рыбёшки, за которым, так же попрыгивая по поверхности, следовали тёмно-серые монстрики покрупнее, величиной с пару ладоней. Гонка была бешеной. Убегающий от хищников косяк, приближаясь к Кретову, всё ярче блестел как серебристый фейерверк. Кретов наблюдал это сначала с сибаритствующим самодовольным восхищением зрителя в кинозале с попкорном и колой, поскольку ещё не возникло понимание реальности происходящего, но когда вся эта армада, перекрыва-

ющая часть горизонта, точно обозначила намерение пройти через него, стало не по себе. Он попадал в эпицентр небольшого рыбного урагана-дождя, и как себя вести в этой ситуации было неясно: то ли поднырнуть, то ли оставаться зрителем до конца, но уже зрителем сафари, где что-то может пойти и не так... Вовлечённый в процесс морской охоты на территории хищников – на их пути, он совершенно не знал, что представляют собой те монстрики, которые тоже должны были пройти через него. Не очень-то приятный факт... В следующий момент рыбное серебро перемахнуло через него круче, чем в режиме 5D, он успел только выдохнуть «Ё...», оказавшись прямо внутри; остро пахнуло сырой рыбой (от такого запаха любой морской хищник сойдёт с ума и заработает ластами). При этом, между прочим, его виски, шею, плечи не задевала ни одна рыбка, хотя это было просто невозможно! Он лишь ощутил едва заметное движение воздуха. Природа в этой ситуации сработала деликатно, но так бывает не всегда.

Чуть позже перед Кретовым разыгралась драма уже другой охоты: у поверхности воды небольшая стайка ярко-зелёных мелких рыбок напряжённо двигалась то в одном, то в другом направлении, Владимиру даже показалось, что она прижалась к нему, рассчитывая на укрытие и защиту. Он успел увидеть и охотников – с десятков очень красивых рыб с три ладошки величиной. Тело их вытянуто как копьё, словно всё заточено на скорость и преследование, красивая голова – это остриё наподобие носа французского «Конкорда» шестидесятых в полете, элегантный небольшой хвостовой плавник, синего цвета спина, пронзительная синева её хорошо видна даже в бирюзовой воде. Когда началась жестокая атака и вода вокруг буквально закипела, он предпочёл уйти в сторону.

Появилось солнце, море вспыхнуло, вокруг заиграли мириады оранжевых всполохов. Он плыл в лёгком шоке, едва не ослеплённый этим буйством, подумал: «За такие картины следует отдать многое. Кому-то точно можно пожертвовать дачей

с погребом-“бомбоубежищем” и баней, машиной, которая не возит дальше этой дачи и погреба, грядками с морковкой и луком, отдать ещё и бочку с водой, в которой дети спасаются от жары, пока родители стоят в интересном положении, отдать резиновые сапоги, всю солонину и сало из погреба в придачу, отдать то, что для таких людей составляет едва ли не смысл жизни под общим определением “совковый достаток”. Но не тут-то было... А главное в том, что этих “кого-то” море пугает своей внутренней свободой. Именно свободы они боятся больше, чем хотят красоты».

Вдруг у самого плеча и вот уже прямо перед его головой, усиленно работая хвостом, появилась маленькая, меньше сантиметра, рыбёха. Он смог хорошо разглядеть её, потому что она никуда не собиралась удирать, буквально следуя за ним. Голова больше туловища, которое сужается резко от головы к хвосту. Окраска из чередующихся жёлтых и чёрных полос. Он сразу же назвал её «пчелой» – слишком велико было сходство с ней. Пчела, забавная морская, рыбная пчела. Он решился на небольшой эксперимент: поставил в воду руку внутренней стороной ладони в сторону рыбки, близко к ней, чтобы воздействовать своей энергией, удивился, что она охотно, как собачонка, прижалась почти вплотную, он поставил вторую ладонь так, что рыбка оказалась в центре энергетического потока, и удивился ещё больше, потому что «пчела» передвигалась как по команде, в одну сторону, в другую, в зависимости от того, куда он двигает ладони. Она даже не пыталась, отклонившись в сторону, вырваться из «энергобатарейки», а для неё это не только легко было сделать, но и вообще-то необходимо, поскольку, должен же сработать, в конце концов, инстинкт самосохранения! Но рыбка находилась в каком-то странном состоянии, которое Кретов определил для себя как очарование игры, кайф от контакта с неведомым. Во всяком случае, так он посчитал, хотя, может быть, все это на самом деле имело совсем другие причины... Но тогда какие? Малютка откровенно вступил

ла с ним в игру: она не пыталась его уку-
сить, не собирала с него планктон, он стал
для неё, наверно, одним большим и при-
влекательным объектом, движущимся, дей-
ствующим, издающим импульсы странной
энергии. Дальше – больше: «пчела» факти-
чески позволила забрать её в ладонь вместе
с водой, не металась, а спокойно плавала в
образовавшейся лужице воды. Он пошёл на
совсем варварский опыт – стал ждать, когда
вода выльется из ладони... Воды не стало,
«пчела» замерла, лёжа на боку, потом испу-
ганно встрепенулась, задыхаясь. Влади-
мир спешно опустил руку в воду, но даже
сейчас, едва не погибнув, эта самая кроха
не метнулась от него в глубину – игра нача-
лась с самого начала. Что это?

– Значит, ты Пчела? Настоящая умная
Пчела? – обратился он к ней ласково, мыс-
ленно погладив по большой голове, – тогда
давай со мной к берегу, а то я уже устал не-
много.

Они продолжали плыть вместе, Пчела
по-прежнему следовала за ним, и у него по-
чему-то сжалось сердце. Тут же себя одёр-
нул: ведь рыба не дельфин, не пёс, чтобы
испытывать привязанность. Чудо, мистика,
скорее всего, игра его собственного разума
и фантазии!

Так и прибыли вместе к берегу. Кретов
увидел подошедшую на пляж жену, позвал
её, не выходя из воды. Маша повизгивала
от восхищения и удовольствия, когда рыбка
стала оплывать со всех сторон и её, забира-
ясь чуть ли не в купальник. Но всё-таки в
основном Пчела играла с Кретовым, снова
шла в ладонь, курсировала туда-сюда, сле-
дя за движением его ладоней.

– Давай назовём её Полосатик? – предло-
жила Маша.

– Я уже дал ей имя. Это Пчела, морская
Пчела.

– Похожа. Мне кажется, она тебя больше
любит.

– Да ерунда.

– Нет, я вижу!

– Ну, может быть, и так... Я её первый
встретил, так что всё справедливо.

– Наверно, самка.

– Почему это?

– По кочану. Найдём в Интернете и про-
верим описание пола. А вообще, лучше не
возражать, понимая моё настроение сейчас.
Если бы я тебя не знала, не стала бы и го-
ворить.

– Мы ещё будем к рыбе ревновать, да?
Это просто девиантное поведение отдель-
ной особи.

– Девиантное, то есть поведение, отлич-
ное от нормы, характерно для людей и жи-
вотных. А для рыб – нет. У них же нет моз-
гов, – возразила Маша.

Владимир скорчил рожицу, демонстри-
руя крайнее несогласие, тут же вдруг ожи-
вился:

– А давай выйдем на берег, постоим и
вернёмся снова, уплывёт она или останется?

Вышли на берег, постояли минут пять и
снова, чуть не умирая от любопытства, ри-
нулись в море. Сначала рыбки не было, но
уже скоро она вернулась – игра продолжи-
лась. Кретов так не радовался давно. Не-
посредственность маленького существа из
другой цивилизации, его любопытство и
расположение, затмившее инстинкт само-
сохранения, было божественным по своей
чистоте, лучшим примером отношения к
жизни для тех, кто сегодня смеет называть
себя людьми, а некоторым из них ещё и от
Природы-матери просто пощёчина звон-
кая.

Но действие закончилось так же внезапно,
как началось: Кретовы просмотрели волну,
которая украдкой набирала силу, а потом
свалила обоих и протащила по песку. Вла-
димир пришёл в себя первым, начал всма-
триваться в воду, но Пчелы не было... А
ещё ему показалось, что в мутном от взды-
бившегося песка водвороте стремительно
мелькнуло тело серой донной рыбы, что-
то схватившей (они были здесь на отмели
в большом количестве, искали крабов и не
чурались другой мелкой едой).

Вот и всё.

Кретов долго сидел, глядя в пустоту, а
Мария уговаривала вернуться в номер.

– Это уже не смешно, пойдём, мы ещё
не завтракали, между прочим. Не расстраи-

вайся, приедем домой, купим в зоомагазине такую же и посадим в аквариум. Что ты на меня так смотришь?

– А сама не понимаешь?

– Что я должна понять?

– То, что это будет другая рыба, другая личность, дру-га-я!

– Вова, не пугай меня, прошу, поищем её в Интернете, узнаем о ней больше. Всё равно ничего изменить мы не можем.

– Да-да, так знакомо: «поскольку это изменить мы не можем, надо “это” просто принять». Зато доверчивые и открытые снова сожраны...

В номере отеля Маша старательно искала сведения о странной рыбке в Интернете. И нашла.

– Вот она, наша игрунья! «Бычок-шмель, или пчёлка – яркая и интересная аквариумная рыбка, которая в последнее время не так часто встречается в аквариумах любителей. За забавную окраску отечественные аквариумисты прозвали её “бычок-билайн”. Природа одарила её нарядом, схожим по цвету с пчелиным (чередование вертикальных черных полос с полосами от бледно-жёлтого до оранжевого цвета), откуда и пошло их название». Ты точно подметил, дорогой, молодец. «Бычок-шмель имеет характерную для представителей своего рода форму тела в виде вытянутой капли, сплюсненной по бокам. Голова в сравнении с туловищем крупная. Бычки – рыбки длинной до 4,5 см, причём самки обычно крупнее. Зато самцы более нарядны – полоски у них не жёлтого цвета, а скорее оранжевые,

а в период нереста и вовсе становятся почти красными». Вова, это была самка. У неё были полоски жёлтые. Интуицию женскую не обманешь! Что ж, одной обожательницей меньше. Ой, прости, я не хотела тебя обидеть. «В природе бычок-пчёлка населяет пресные и солоноватые воды Индии, Таиланда и островов Малайского архипелага. В аквариуме эти рыбки плавают в основном возле дна, поэтому очень удобно брать их в аквариум к неагрессивным рыбам, населяющим средний и верхний слои воды, но следует помнить о достаточно развитой территориальности пчёлки и не подселять к ним таких же придонных обитателей». Вот так, доигрались, кто ж мог знать, да, Вов? «Милые бычки-пчёлки – рыбки, вызывающие искреннюю улыбку, забавные и трогательные существа, несущие в себе частичку теплоты и озорства»... Вова? Ты чего? Ты плачешь, что ли?

Кретов ничего не сказал, замер в постели, перевернувшись на живот, засунув голову под подушку. Маша подлегла к нему, прижалась, шепнула на ухо:

– Это моя подушка, зая, ты в прошлую ночь перепутал, и спал на ней, и всю обслюнявил, и вот сейчас опять... Ну что такое, милый? Ты бы так из-за меня иногда переживал!

Из-под Машиной подушки глухо прозвучало:

– Давай никогда не расставаться?

Маша замерла от изумления и ответила так осторожно, словно хрустальный бокал на ладони несла:

– Давай...

Пхукет. Декабрь 2015 г.

